

МАРИНА ДАМИЧ

ВОЗЬМИ МОЕ
СЕРДЦЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марина Дамич
Возьми мое сердце
Серия «Теперь ты моя», книга 12

<https://litres.ru/73930193>

SelfPub; 2026

Аннотация

Много лет назад моя сестра унизила Кирилла Громова, отказавшись выйти за него замуж и выбрав другого.

Много лет назад он устроил скандал на ее свадьбе и поклялся больше никогда не возвращаться домой, в родной город и страну.

Я втайне от всех любила парня своей сестры и боялась, что больше никогда в жизни его не увижу.

Внезапная трагедия вынуждает Кирилла вернуться в пустой дом, в котором время словно застыло. Оказавшись рядом с ним в этот трудный момент, я поняла, что моя любовь никуда не делась, напротив, с годами стала лишь сильнее.

Я знаю — он приехал мстить моей семье. Знаю, что стану пешкой и сопутствующим ущербом в его игре.

Он говорит, что у него нет сердца.

А я прошу взять мое.

Зачем оно мне, если мне нельзя любить?

Содержание

Глава 1. Камилла	4
Глава 2. Камилла	11
Глава 3. Кирилл	17
Глава 4. Камилла	21
Глава 5. Камилла	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марина Дамич

Возьми мое сердце

Глава 1. Камилла

— Вперед, Алмаз! — я подстегиваю коня, радуясь своей свободе. Ветер развеивает мои волосы, глаза слезятся. Но нет ничего лучше этого чувства скорости и особого единения с природой.

Алмаз — мой верный конь, подаренный мне моей бабушкой на восемнадцатилетие. Спустя четыре года я уже не представляю, как можно жить без этих чудесных мгновений и верховой езды по просторам владений Азаровых.

Но сейчас Алмаз мчится далеко за пределами нашей территории. Мы с ним пересекаем границу и оказываемся возле особняка Громовых. Еще полгода назад здесь был слышен детский смех и устраивались праздники. Но после произошедшей трагедии, от которой до сих пор стынет сердце, над домом нависли тишина и мрак.

Заросший и неухоженный сад Громовых навевают особую тоску.

Погруженная в свои мысли, не замечаю, что Алмаз уже давно покорно стоит и ждет дальнейшей команды.

Но я спрыгиваю с коня и, не боясь, что он куда-нибудь

убежит, подхожу к дому. Окна плотно занавешены. Кроме одного.

Замираю на месте. В доме кто-то есть.

Конкретно в этом окне не было жизни и света около пяти лет. Я до сих пор вспоминаю тот день с горечью и болью. Мне хотелось кричать и плакать, но все, что я могла — молча смотреть. Остальное мне, Камилле Азаровой, запрещено. Иначе бы отец с позором выгнал меня, или сделал еще что похуже.

Я прятала свои чувства тогда, запрещая себе даже мечтать о большем. Не только из-за отца.

За окном второго этажа особняка комната единственного человека, которого я мечтаю увидеть больше всего на свете. Но разве это возможно?

Кирилл Громов навсегда покинул Москву и Россию.

Может, кто-то из его поверенных лиц здесь?

Вспоминаю, что по закону через полгода после смерти владельца имущества, оно переходит прямым наследникам. Но Кирилл уж точно не вернется.

— Кто здесь?

Резкий мужской голос заставляет меня замереть на месте от страха.

Алмаз поднимает голову и ржет, а затем трясет ушами. Но не убегает. Не боится. Обычно он сразу чувствует угрозу.

А вот мне страшно до одури.

— Простите, я остановила коня во время прогулки вер-

хом. Хотела пройтись немного, — я медленно оборачиваюсь к тому, кто меня окликнул.

— Мышь? Камыш?

Моргаю часто-часто, чтобы сфокусироваться на картинке. Это не может быть правдой?

Так меня называл только один человек.

И не может быть, чтобы этот суровый мужчина в мрачной черной одежде был тем самым Кириллом Громовым, весельчаком и местным разгильдяем. Он был избалованным мажором, поющим в рок-группе ради развлечения. Пьянки, гонки, вечеринки — он был весь в этом.

Но сейчас мужчина передо мной совсем другой.

Тяжелый взгляд серых глаз исподлобья. Черная щетина на его чуть жестком, но красивом лице. Темные волосы взмокшие и взъерошенные. Несмотря на теплую погоду, он в кожаной куртке и перчатках. Лишь заметив мотоциклетный шлем в его руке, я понимаю что это экипировка для мотоцикла.

— Кирпич? — я придумала ему это прозвище, чтобы отомстить. Я дико обижалась на Ка-Мышь — производное от моего имени. Потому что недалеко от истины. Я в семье Азаровых ненамного ярче, чем маленькая серая бесправная мышь.

— Как будто в машине времени только что прокатился, — мужчина смеется.

Мужчина. Зрелый. И явно очень опасный. Его смех не кажется веселым. Скорее, напряженным и обещающим про-

блемы мышкам вроде меня.

— Кирилл? Это ты? — боюсь, что обманываю себя. Это не может быть правдой. Не может...

— Я сам в шоке, — его смех застывает, но улыбка блуждает на лице. Теплая, как будто предназначена лишь одной мне.

Не могу удержаться! Срываюсь с места и со всей силы падаю в его объятия.

— Я так скучала, Кирилл! Как же я скучала! — не могу остановить слезы радости и счастья от встречи с ним.

— Я тоже скучал, Мышь. Ты первый и единственный человек, кто так тепло встречает меня, — он обнимает меня в ответ, целомудренно, по-братски, как это было и раньше. А я украдкой вдыхаю его терпкий запах. Молнией прошибает от его близости. С годами Кирилл стал грубее и жестче... и еще опаснее. Дикий, необузданный, совсем неуправляемый. Сам себе на уме. Всегда был и по-прежнему остается таким же.

— Мне очень жаль, что ты вернулся так поздно... Мне очень жаль, Кир.

— Не плачь, Мышка, — он осторожно гладит меня по волосам и, держа за плечи, отодвигает от себя. — Я уже отгоревал свое. Хотя и болит до сих пор.

Киваю. Конечно, я понимаю. Вытираю ладонями слезы.

— А ты по-прежнему такая же мелкая плакса.

— А ты все такой же вонючка.

— Никакого уважения к старшим. Вечно путаешься под ногами. Хотя, вынужден признать, ты слегка изменилась.

— Мне завтра двадцать два. А ты все никак не повзрослеешь, — шутливо ворчу.

— Ну, да, в свои двадцать девять до сих пор штанишки на подтяжках ношу, — отмахивается он и, напустив на себя безразличный вид, идет к дому.

— Ты надолго приехал? — я не знаю, зачем спрашиваю. Ведь для Кирилла фамилии Азаровых просто не существует. Вполне возможно, что я тоже в его персональном черном списке.

— Дела решу, быстро все продам и уеду. Думаю, до августа со всем разберусь.

— Ты хочешь все продать? — его желание до конца отрезать прошлое больно ранит. — Но это же дом и дело твоей семьи.

— Они мертвы. Им все равно, — жмет он плечами и напускает на себя равнодушный вид. — Через неделю показ дома. Нужно все привести все в порядок. Я думал, клининг справится со всем, но риэлтор настоял, чтобы я сделал осмотр личных вещей.

Комок в горле не дает ничего ответить.

Кажется, Кирилл Громов за последние пять лет где-то потерял свое сердце.

— Хочешь зайти? — он поднимается на широкое крыльцо с колоннами в виде опоры по периметру. Очень красивый и

дорогой дом. Его строили с любовью.

— А ты? Я ведь Азарова. Сестра Дианы. Ты точно хочешь, чтобы я сейчас была рядом с тобой? — напоминаю ему, что я, вообще-то, его враг.

Но он мне не был таковым никогда.

— Мышь, ты единственная из своего гнилого семейства, кого я могу хотя бы выносить. А, еще Лилия Эдуардовна. Как она, кстати?

Бабушка тоже обожала Кирилла. Всегда говорила, что из молодого повесы обязательно выйдет прекрасный муж и отец, но ее никто не слушал.

Да, он изменился. Но вырастил в себе свои самые худшие проявления.

И это уже невозможно исправить.

— Немного жалуется на сердце, но в целом хорошо.

— А ты? Скоро станешь крутым кардиохирургом? Лекарем сердец? — он открывает дверь, снимает с охраны дом с пульта и жестом приглашает внутрь.

— Мне позволено учиться на факультете международных отношений. Это максимум, на который согласился отец.

— Ты смотри, а! Нормальные люди погибают, а этот урод по-прежнему себя хорошо чувствует, — при упоминании моего отца, он едва не сплевывает. Глаза наполняются гневом и злостью. Я в ужасе от того, что даже спустя пять лет, Кирилл по-прежнему ненавидит Альберта Азарова. А, может, еще сильнее.

— Кирилл! — возмущаюсь я.

— Не переживай, Камыш. Скоро все изменится. Ни один стеклянный замок не устоит перед летящим в него кирпичом.

Глава 2. Камилла

Кирилл пропускает меня вперед.

От его слов у меня мурашки по коже. Неужели тот горький день до сих пор вызывает в нем такие сильные эмоции? Он реально готов мстить за свое унижение?

— Точно не должна переживать? — спрашиваю, поравнявшись с ним. Какой же он высокий! Я всегда была мелкой, так и не выросла. Но и рядом с Кириллом по-прежнему ощущаю себя маленькой пушинкой. Мышкой, на который ленивый кот пока что, по своим причинам, не охотится.

Нет никаких сомнений, что он с легкостью сожрет меня при желании.

— Посмотрим, — совершенно «обнадеживающе» отвечает.

Первое что чувствуется в доме — запах пыли. У меня легкая аллергия на пыль. Через пару секунд, находясь внутри, я чихаю.

— Я уже и забыл, как забавно ты чихаешь. Как котенок. Или мышонок.

Я бы взбесилась моментально, если бы надо мной так подшучивал кто-то другой. Но от глупых издевательств Кирилла я лишь смеюсь.

Мой смех эхом прокатывается по вестибюлю.

Мы останавливаемся в центре большого холла. Раньше

под ногами был расстелен узорчатый круглый ковер ручной работы, привезенный из Дамаска. Огромная хрустальная люстра висела прямо над сердцевиной узора. Отец Кирилла любил Восток, и часто бывал там по работе.

Последняя поездка оказалась фатальной.

Сейчас ковер свернут и тоскливо лежит у подножья закрученной лестницы, ведущей на второй этаж.

Полгода назад вся столичная элита была потрясена страшной катастрофой.

Частный самолет Романа Громова потерял управление и разбился где-то над Каспийским морем. Вместе с ним летел его старший сын — Константин. Ужас в том, что Константин не один сопровождал отца. На борту самолета были его жена и дети — маленькая Юлиана и семилетний Марк.

Меня пробирает дрожь.

Серый безжизненный дом еще хранит в себе частички людей, которых с нами больше нет.

— Хорошо, что я приехал сюда только сейчас, — разрывает неестественную тишину Кирилл. Его голос чуть хриплый. Он явно сдерживает эмоции. Конечно, делает вид, что ему все равно. Но его взгляд напряжен, а челюсти плотно сжаты, чтобы не позволить легким полностью наполниться кислородом.

Я считаю все эти проявления. Потому что знаю - каково это.

Когда мне особенно больно, я стараюсь не дышать, чтобы

не разреветься.

— Почему?

— У меня нет ложных иллюзий и надежд. Все покрыто пылью. И я не занимаюсь самообманом.

Это правда. Обломки после крушения самолета были разбросаны по всей линии воды, а тела погибших так и не нашли. При таких условиях очень легко поверить в то, что семья Кирилла может быть жива.

— Мне очень жаль, Кирилл, — горло перехватывает спазмом, но я все равно нахожу в себе силы, чтобы принести слова соболезнования.

— Ты это уже говорила. Все нормально. Пройдемся?

Если бы было нормально, он бы обошел дом в одиночестве, и не просил бы меня составить ему компанию.

Я следую за ним в просторную гостиную. В столовую. И затем на кухню. Все в порядке. Мебель накрыта светлой льняной тканью. Но густая тишина и золотистый солнечный свет, отбрасывающий серые тени, убивают.

— Ты не оставил обслуживающий персонал?

— Ради чего? Через три дня после похорон уволил всех. Конечно, некоторым было обидно, но я думаю, они переживут.

— А тетя Роза и дед Максим? Они же, вроде как, постоянно здесь жили. У них даже свой гостевой домик был?

— Они сами не захотели остаться. Я, конечно, чудовище, но не настолько, чтобы их выгонять. Напротив, я бы не при-

ехал сюда, если бы дом был под их присмотром.

Мы делаем еще один кружок по первому этажу, и даже осматриваем техническое помещение.

— Твой конь не сбежит? — напоминает мне Кирилл.

— Алмаз приучен и послушен. В крайнем случае, вернется в конюшню, — отмахиваюсь.

Мы останавливаемся у лестницы, ведущей на второй этаж.

Перила с коваными растительными узорами в пыли, но по-прежнему очаровательны. Мне всегда нравился дом Громовых. В противовес мраморному мавзолею Азаровых, здесь всегда теплилась жизнь и лилась радость.

— Как бы еще назвали коня у Азаровых? Наверное, есть еще Изумруд, Бриллиант и Сапфир в вашей конюшне?

Краснею, потому что он бьет в точку.

— Сапфир есть, — мямлю и ловлю его усмешку. — Я не виновата, в том что у меня семья такая! И вообще, если бы мама была жива...

Спотыкаюсь о скрученный ковер и лечу лицом в ступеньки.

Уже готовлюсь к падению, потому что любые попытки за что-либо ухватиться терпят фиаско.

Но сильные руки обхватывают мою талию и удерживают. Я замираю. Перестаю дышать. Прикосновения Кирилла бросают меня в жар.

Он вертит меня, как ему удобно, и подтаскивает меня к

себе. Видимо, только так можно вернуть меня в вертикальное положение.

— Не убейся, Мышь, — просит он. У меня голова кругом от его близости. Я прижата к его груди. Ладонями ощущаю четкое сердцебиение. Впечатываюсь в него и чувствую каждый изгиб его мускулистого тела. А некоторые его части вызывают во мне дрожь и излишнее волнение. Я никогда не была прижата к мужчине *так*.

Слишком близко.

Я пытаюсь выбраться из его рук, но это больше похоже на мышиную возню. И о... какая у него мощная грудь на ощупь. А если коснуться его обнаженной ключицы в вырезе футболки и распахнутой куртки, его кожа какой будет на ощупь? Гладкой и горячей?

О боже...

— Нравлюсь? — хмыкает он, будто видит меня насквозь и знает, о чем я думаю.

— Как был Кирпичом, так и остался, — отпрыгиваю от него, но снова падаю. И он снова ловит меня.

В этот раз он не поворачивает меня лицом к себе. Напротив, я прижата спиной к его груди, а мои ягодицы упираются в... в...

— Хм, как ты выросла, однако, — он наклоняется ко мне и, уткнувшись в волосы, с шумом втягивает воздух, а затем опалает дыханием изгиб моей шеи. Я невольно отклоняюсь и подставляюсь. — Какая аппетитная Мышка.

О, нет! Жадный хищный кот все-таки просыпается в Кирилле!

И я бы убежала, но сама будто приклеена к нему. Выгибаюсь чуть сильнее. Неосознанно, но... как же горячо и хорошо... В его руках так хорошо!

— Интересная ты девочка, Камилла, — шутит он и резко меня отпускает. Обходит меня и идет вверх по лестнице.

А мне остается дышать. Проклятая дрожь, никак не унимается. Каждый сантиметр моего тела, который соприкасался с Кириллом, горит огнем.

— Ты со мной или как? — спрашивает он ехидно, возвышаясь надо мной.

Глава 3. Кирилл

Я ехал сюда с тяжелым сердцем. Взял мотоцикл, чтобы отвлечься на скорость, отдаться ветру и не думать о призраках былой жизни, ждущих меня в доме моих родных.

Пять лет назад я покинул этот дом и больше сюда не возвращался. Я считал, что смогу как-то прожить свою жизнь без лишнего внимания ко мне и условностей, которых требовал от меня отец.

Сейчас меня охватывает тягучая горечь. Я упустил целых пять лет из жизни своих родных. Смех и первые шаги племянников. Несмешные подколы Костика. Хмурый взгляд отца исподлобья за завтраком после моего очередного ночного приключения.

Ничего мне не говорил. Лишь нервно дергал бровью и газетой своей. Фирменной. В современном мире папа оставался отчаянным старовером. Ковры, хрусталь, фарфоровая посуда, антиквариат и газеты по утрам, запах которых я до сих пор отчетливо помню...

Мне больше не больно. За полгода я свыкся с мыслью, что никого из семьи Громовых не осталось. Даже маленькой Маргаритки, так сильно похожей на Костика.

Много раз отец просил приехать домой. Хотя бы ненадолго. Погостить недельку. Но я готов был встречаться с родными исключительно в городе. Здесь же мне было слишком тя-

жело находиться.

Тяжело... какой же я наивный придурок. Знал бы я тогда, что такое на самом деле «тяжело».

Теперь мне достаются лишь сожаления. Но и их я беспощадно стираю.

Я готовлюсь быстро осмотреть дом для галочки, чтобы успокоить своего риэлтора. Я прекрасно понимаю, что ничего с собой не заберу. И мне проще выбросить или сжечь все, чем копаться в этом и отбирать особенно болезненные моменты из прошлого.

Мазхозимом не страдал никогда.

Боль привык отсекать.

Предателей вырезать из своей жизни с корнем.

Но...

Появляется Мышь и все катится к черту.

Эта малышка невероятно искренняя и чистая. Какой была, такой и осталась, ни грамма своего очарования не потеряла. Родная. Прошлое врывается яркими образами в мое сознание, стоит просто обнять Камиллу.

Воздух из легких пропадает, когда я думаю — радовался ли кто-нибудь когда-либо моему появлению настолько сильно, как Камилла Азарова?

Бедняжка, все время переживает, что я могу к ней как-то плохо относиться из-за ее фамилии и семьи. Но мне плевать. Я знаю, что девчонка не виновата в том, что она дочь своего отца.

Смешная такая, думает, что я по-прежнему страдаю по ее сестре. Нет, я просто ненавижу весь клан Азаровых, кроме Камиллы и ее бабушки.

Диана оказалась пустышкой, марионеткой своего папашки.

Мне казалось в тот момент, что наши отношения за всякой гранью. И никто не сможет нас разлучить. Тем более, наши отцы неплохо контактировали между собой. Мой старик был совсем не против моих отношений с Дианой Азаровой.

Да, я сам накосячил. Меня то ловили, как участника нелегальных гонок, то фотки компрометирующие в сети выставляли, где я провожу время в компании легкодоступных телочек.

После очередной моей попойки, Диана мне сообщила, что мы расстаемся и она выходит замуж за другого.

— Тебе нужно повзрослеть, Кирилл. А мне нужен настоящий мужчина, а не мальчишка, не способный наиграться.

Я не верил. Не верил, что наши отношения можно было так разом перечеркнуть.

Не верил до момента ее пышной свадьбы.

Не верил и тогда, когда охрана утаскивала меня с банкета, который я едва не сорвал.

А с того дня я вычеркнул из своей жизни Азаровых и дом, в котором был когда-то счастлив. Я уехал из страны и навещал семью редкими приездами, стараясь не создавать им дополнительные проблемы.

Камилла вернула меня в прошлое одним разом.

И рядом с ней совсем не страшно встречаться с призраками.

Стараюсь гасить в себе сожаление и горечь утраты, пока осматриваем первый этаж.

Может, если бы я был один, то непременно замкнулся в себе.

Но Камила постоянно привлекает мое внимание.

Меня словно замыкает на ней, стоит притянуть ее к себе и вдохнуть цветочный запах с ее волос.

Мышь явно выросла и приобрела женственную красоту и изгибы.

Но тут же приходит осознание — она младшая сестра моей бывшей. Сильно младше меня. А еще — дочь Азарова. По всем параметрам она не может быть моей.

Но

В то же время превосходно подходит моим целям.

Глава 4. Камилла

Я смотрю снизу вверх на Кирилла.

Его темная и мрачная фигура сулит мне проблемы.

Нет.

Катастрофу.

Надо бежать от него, как можно быстрее и дальше. Неважно, знает он или нет о том, что я влюблена в него уже много лет. Он все равно растопчет мои чувства и не постесняется. Как сделал это когда-то с Дианой.

Да, моя семья подло поступила с Кириллом, но ведь и он был не подарком... Был?

А сейчас он стоит в пол-оборота приглашая подняться в его колючий и жесткий мир горечи и потерь. Но ведь... у меня никогда никого не было ближе Кирилла, даже когда он находился далеко-далеко.

Глупо же, да?

Я говорила с ним в своих мыслях. Много раз представляла нашу с ним встречу. Как он вернется домой... за мной...

Дурацкие девчоночьи фантазии! Я просто возвела его на свой собственный божественный пьедестал и никак не могу сбросить его оттуда.

А теперь он живой и настоящий смотрит на меня пронизывающе. Усмехается. Ждет, что я, как трусиха, сбегу и снова докажу — я ничем не лучше своей семьи.

Он думает, что я стесняюсь его или опасаясь проблем из-за его скандала в прошлом? Думает, что боюсь реакции своего отца? Безусловно, меня ждет суровое наказание.

Но...

Боюсь я вовсе не этого.

Я боюсь потерять себя и Кирилла. Я себя заново собирала по кусочкам, когда он уехал из дома пять лет назад.

Я была юной и безответно влюбленной.

Теперь я повзрослела. Но по-прежнему безответно влюблена. Окажусь в его власти и а если не окажусь, став свидетельницей его отношений с любой другой девушкой? Все окажется гораздо хуже. Гораздо!

— Кирилл! — зову его зачем-то. Может, потому что я устала говорить с ним в своей голове. И теперь могу задать вопрос вживую?

Наша близость не только в моей голове. Мы же — родные души. Да! Я была мелкой и глупой. Но когда мы начинали общаться — нас было не остановить, и Диана часто фыркала на Кирилла, что с ней он и двух слов связать не может.

И все же... Не в разговорах дело.

Мы могли сидеть рядом молча на капоте его старого потрепанного раритетного «Форда», который он выиграл на спор у кого-то в гонках. Смотрели на закатное солнце у озера неподалеку от наших домов, пока друзья из его компашки и Диана плескались в воде. И ничего было не нужно. Только тепло. Свет, исходящий от меня, стоило Кириллу мне

улыбнуться. На меня накатывало невероятное спокойствие. Я знала, что я нахожусь на своем месте. Там, где должна быть — рядом с ним. Пусть и в качестве друга, или даже младшей сестры его девушки.

Теперь между нами никого нет. Только я и он. В темноте его воспоминаний и боли. Я рядом с ним. И он по-прежнему нуждается во мне, хотя и не произносит ни слова.

— Да? — Кирилл при этом продолжает подниматься вверх.

— Каково это?

— Что именно?

— Делать шаг вперед, зная, что это разрушит твою жизнь до основания? — осмелев, задаю свой вопрос.

— А тебе нравится такая жизнь? — снова останавливается и поворачивается ко мне. Не улыбается, нет. Смотрит особенно цинично и жестко. У меня по спине пробегает холодок. — Если ты на полпути к ее разрушению, значит, что-то в ней тебя не устраивает, верно?

— Я не знаю... — шепчу сдавленно.

— Никогда не знаешь, Мышь, что именно ты разрушаешь или строишь. Ты об этом узнаешь только, когда дойдешь до самого конца.

Он прав.

Только не уточняет — лестница ведет вверх на высоту? Или вниз? В бесконечную пропасть, из которой будет сложно выбраться?

Я делаю шаг вперед. Ноги будто налиты свинцом. Но еще шаг — и становится гораздо легче. Кирилл ждет меня, ожидая, когда я позорно развернусь и уйду.

Да, я знаю, что увидев Кирилла уязвимым и раненым там наверху, я больше никогда не смогу вернуться к себе прежней. Буду стараться лечить его своей нерастраченной любовью. И только ему самому известно, как он поступит с моим сердцем.

— Ты рад, что ты все разрушил вокруг себя? — интересуюсь у него, поравнявшись с ним на ступеньках. Держусь за перила, чтобы не упасть.

— Пока не знаю. Я еще не дошел до самого конца, — подмигивает мне. — К тому же... как разрушил все? Вот я стою в собственном доме. Рядом с тобой. У меня на счету миллиарды. Я свободен выбирать свою жизнь, какую захочу. И, конечно, я продолжу поиски семьи и тех, кто виноват в их предполагаемой гибели. Кто из нас в проигрыше, Мышь? Иногда шоковая терапия гораздо полезнее игры в прятки от самого себя.

Нервно сглатываю. И неосознанно беру Кирилла за руку. Он тут же вырывает ее, заставляя меня замереть.

У меня в глазах темнеет от боли. Конечно, я ему неприятна. Ведь я — Азарова. Зачем цепляюсь за него?

Но он делает это лишь для того, чтобы снять перчатки и засунуть их в карманы своей кожаной куртки. На этот раз он сам хватается меня за руку и ведет за собой. Я сжимаю сво-

ими неуверенными пальцами его сильную и мужественную ладонь, восторгаясь от волнующих ощущений.

— Ты сама решилась на это, Камилла, — тихо проговаривает Кирилл.

И нет, он не о том, что нас ждут призраки его прошлого на втором этаже особняка Громовых.

Моей прежней жизни конец. Может, уже пришла пора что-то менять?

Если бы не возвращение Кирилла, я бы никогда не сделала этот шаг.

Глава 5. Камилла

На втором этаже коридор разделен, словно лучами, жилыми пространствами и комнатами. Свет струится отовсюду — из огромного на два этажа окна-арки, из прозрачных стеклянных вставок с крыши. Дом был построен с большой любовью к семье и свету.

Мое воображение дорисовывает маленьких детей, бегающих наперегонки по мягкому ворсистому ковру темно-бирюзового цвета. Смеющихся Костю и Настю, наблюдающих за шалостями своих детей.

А где-то внизу в гостиной, видимой с широкого лестничного пролета второго этажа, Роман Олегович пьет свой любимый кофе, сваренный исключительно в турке. Кофемашины он не признавал.

Вопреки всем обстоятельствам и неприязни наших семей друг к другу, мы с бабушкой часто гостили у Громовых.

Бабушка вообще чихать хотела на запреты и ругань моего отца и делала исключительно то, что она хотела. А хотела она быть в психологически приятном и здоровом окружении. И я, как никто другой, ее прекрасно понимала.

Если бы они были живы, то завтра на мой день рождения, Роман Олегович обязательно подарил бы мне какой-нибудь потрясающий сувенир, привезенный из Ближнего Востока, а малыш Марк снова бы упрашивал научить его кататься на

лошади.

Дед бы картинно схватился за сердце, а Настя от него тайком узнала бы у меня адрес хорошей конно-спортивной школы.

И они все, вся семья Громовых, хоть и не были бы приглашены ко мне, но обязательно поздравили меня.

Но увы, я вижу лишь призраков. И детский смех заглушается тяжелыми шагами Кирилла.

Весь в черном он смотрится здесь чужеродно. Словно своим присутствием испортил счастливую картинку.

Неужели не могло быть иначе? Его присутствие стало возможным только потому что его семьи не стало. Но когда они были живы, он куда-то пропал

— Мышь? Ты почему реवेशь? — скучающе интересуется он, лишь оглянувшись через плечо. Его холод и равнодушие пугают. Это ведь не он. Так ведь?

— Я не верю, что их нет. Марка, Юляши, Насти, Кости... — пытаюсь сделать вдох, но плохо получается. Из горла вырывается какой-то хрип. — И Романа Олеговича тоже

— Их нет, Камилла. И чем раньше ты это поймешь, тем легче тебе будет с этим жить, — он кривовато усмехается. Находит мои слезы смешными?

Но следующее, что я чувствую — его горячие объятия. Он гладит меня по голове, пока я прижимаюсь к его груди, оплакивая его близких.

— Вроде повзрослела, а все такая же маленькая, — лас-

ково ворчит Кирилл. Как он это делает? Разве можно быть мягким кактусом? Но Громов именно такой. Я всегда восхищалась контрастам его души. Не может же быть, чтобы он совмещал в себе двух совершенно разных людей? Или это лишь игра моего воображения?

— Не обязательно каждый раз напоминать мне о моем росте, — бубню, но не хочу отлипнуть от него. Запах кожаной куртки смешан с его парфюмом. Как же мне хорошо, когда он вот так близко. Пусть даже просто гладит по спине.

— А кто сказал, что я о твоём росте?

Заглядываю ему в глаза и пропадаю.

Я для него навсегда останусь неопытной мелочью.

— Пойдем. А то мы с тобой до ночи не управимся, — Кирилл отодвигает меня от себя и идет дальше.

Он заслоняет своей спиной и широкими плечами пространство передо мной, тем самым оберегая от призраков прошлого.

Но сам сталкивается с ними лицом к лицу.

Может, я все это придумываю?

Нет. Я замечаю, как напрягается шея Кирилла. Как сжимает ладони в кулаки, а его походка становится пружинистой и нервной.

Надо отдать ему должное. Он сохраняет видимость каменного спокойствия, когда осматривает комнаты брата и отца.

В комнаты детей он зайти не решается. Пытается. Даже давит на ручку двери Юлианны. Но в последний момент

опускает руку и прислоняется лбом к двери.

— Кирилл. Это необязательно, — я пытаюсь говорить сквозь ком в горле.

— Я должен.

— Потом как-нибудь. Хватит тебе на сегодня, — пытаюсь достучаться до него.

Он тяжело вздыхает и делает нерешительные шаги в сторону своей спальни.

Его комната не представляет из себя ничего особенного. И цвет Кирилл, как всегда, выбрал темный. Серый, холодный. Но бледно-желтые акценты в виде подушек на диване и штор чуть смягчают обстановку.

Кирилл падает на кровать прямо в куртке и обуви, и закидывает руки за голову, уставившись в потолок.

— Почему все так, Мышь? Почему они погибли, а я жив? Не сдох ни тогда, ни сейчас. А ведь миру куда важнее они, а не я. Что я из себя представляю?

Я подхожу к окну, из которого открывается вид на высокие сосны и закатное солнце.

— Никто не знает, зачем мы нужны, Кирилл. И какое у нас предназначение.

— Хорошо, что я решил продать этот чертов особняк, — заявляет он внезапно.

Его решение болью отзывается во мне.

С одной стороны, я его прекрасно понимаю. Но с другой — в этом доме семья Громовых по-прежнему жива.

— Я весь в мать. Бестолочь родила бестолочь, — продолжает он сокрушаться.

— Неправда, Кирилл! Это не так! — в сердцах защищаю его. — Ты не такой. Ты...

— Мышка-малышка Камилла. Только ты и верила в меня всегда. Не боишься разочароваться?

— Я не...

— Интересно, как твой папаша отреагирует на мое появление?

— Он уехал вместе со своей женой, — не могу скрыть своей радости.

— Надолго? — бровь Кирилла приподнимается в надежде.

— На пару недель.

— Хорошо. Успею подготовиться.

Не совсем понимаю, к чему Кирилл собирается готовиться.

Но я точно знаю, чью сторону обязательно приму в случае их противостояния. А оно неизбежно.

С отцом мы никогда не были близки, а уж с Ренатой — тем более! Она всю жизнь меня гнобит просто за то, что я существую.

Я виновна в том, что родилась вне их брака и от другой женщины. И если бы моя мама не умерла, когда мне было семь лет, то мой отец никогда бы обо мне не узнал.

Маме было тяжело сражаться с опухолью в голове и про-

ходить химиотерапию, при этом растить ребенка. Не знаю, как ей удалось выйти на связь с Азаровыми.

Это был, конечно, большой удар для отца. Он предлагал и деньги, и лечение, лишь бы Рената не узнала о старой интрижке.

Но вмешалась бабушка и заявила, что кровь Азаровых будет расти в доме Азаровых. Что было потом — даже вспоминать страшно. Мама, к сожалению, проиграла битву с болезнью. А мне нужно было срочно научиться выживать в этой семейке.

Со временем я привыкла к жизни с Азаровыми. Подстроилась под их характеры. Никогда не перечила и не создавала себе лишних проблем. Как папа говорил, так я всегда и поступала. Я благодарна за то, что меня вырастили и воспитали, ведь все могло кончиться для меня гораздо хуже. Но между мной и отцом всегда стоит какая-то стена из льда и отчуждения. Я не смогла стать ему родной по-настоящему.

Я Даже пыталась любить Диану, свою сестру по отцу. Но та меня на дух не выносила. И особенно бесилась, когда Кирилл меня все время защищал от ее нападков.

— У Дианы родился сын, — зачем-то говорю Кириллу.

Невольно люблюсь этим мужчиной. На фоне белой льняной ткани, которой укрыта от пыли кровать, черная фигура Кирилла выглядит еще массивнее. Наверняка не пропускает физические тренировки в спортзале. Он и пять лет назад обладал прекрасной внешностью

Но сейчас превратился в настоящего секс-символа.

Облизываю пересохшие губы и одергиваю себя, чтобы не пялиться.

— Искренне рад за нее, — цедит сквозь зубы Кирилл.

— Ты ее до сих пор любишь? — спрашиваю и едва не бьюсь головой об стену из-за своего наитупейшего вопроса.

Он медленно встает с кровати и подходит ко мне. Я боюсь смотреть ему в глаза. Меня пробирает мелкая дрожь. Зачем я лезу ему в душу?

Кирилл останавливается напротив меня и приподнимает пальцами мой подбородок, упрямо пытаюсь встретиться с моим взглядом. Мне приходится из-за высоты его роста сильно запрокинуть голову.

— Я похож на человека, способного любить, Мышь?

Я обманываю себя, веря, что он может. Все еще может.

— Я знаю, что в твоей груди все еще бьется сердце. А значит... — я кладу ладонь ему на грудь. Он наклоняет голову, с интересом разглядывая меня, как диковинного зверька.

— Камилла, ты...

Но он не договаривает, отвлекшись на телефон, вибрирующий в кармане его куртки.

Он с неохотой отвечает на звонок, отойдя от меня.

Я даже не особо вникаю в его разговор, потому что меня до сих пор трясет от эмоций и разговора с Кириллом. Его запах... близость на расстоянии вытянутой руки — я едва сохраняю рассудок.

— Спасибо, храбрая Мышка, за помощь. Но мне пора. Алмаз, я смотрю, тоже храбрый. Тебе под стать. Травку щиплет у входа. Тебя ждет, — Кирилл указывает подбородком на окно.

И правда, мой конь очень вольготно себя чувствует во дворе Громовых. Нашел чем поживиться у заросшего небольшого перекрытого фонтана у особняка. Если память не изменяет, там раньше росли розы.

Лишь бы Алмаз колючек не набрал, негодник!

— Мы еще увидимся? — с надеждой спрашиваю его, но не решаюсь попросить номер телефона. И, тем более, дать свой.

— Посмотрим, — естественно, не обещает он. Как всегда — сам себе на уме.

Мы очень сухо прощаемся у ворот. Кирилл помогает мне сесть на Алмаза, подав руку, а сам с легкостью устраивается на своем припаркованном мотоцикле.

Он надевает на голову черный блестящий шлем и застегивает куртку. Его фигура словно сливается с его железным конем воедино. Взмахнув мне рукой, Кирилл газует и срывается с места, напугав шумом Алмаза.

Я удерживаю пляшущего вокруг себя коня, но при этом безотрывно провожаю взглядом Кирилла. Он мчится в сторону заката.

Ничего более горячего я в этой жизни еще не видела!

Мое сердце учащенно бьется. Какой же он бесподобный!

Самое ужасное, что моя влюбленность переросла в катастрофическое чувство, опасное, которое обязательно меня прикончит. Если он позовет, я обязательно пойду, даже вопреки семье.

Ну, и дура же я!

Кирилл никогда не ответит мне взаимностью.

О чем я думаю? Нужно успокоиться и забыть.

Вдруг мы никогда больше не увидимся?

Но сердце подсказывает, что теперь все в моей жизни будет по-другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.